STUDIA PHILOLOGICA

В. З. Санников

РУССКИЙ СИНТАКСИС
в семантико-прагматическом пространстве

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

Часть первая

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА

Глава 1

ОБ ИНТРОСПЕКЦИИ И ЭКСПЕРИМЕНТЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ[1]

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В отличие от других глав, данная глава не содержит лингвистически содержательных наблюдений, она касается методики исследования. Впрочем, и в плане методическом она не содержит ничего принципиально нового. Причина ее помещения здесь — прояснить мою позицию, проводимую через все разделы книги. К тому же она не совпадает с позицией, господствующей в современной русистике: истины, ставшие, казалось бы, избитыми, с трудом входят в жизнь, все (или почти все) лингвисты их признают, но мало кто им следует.

§ 1. ОБ ИНТРОСПЕКЦИИ

При описании современного языка первостепенное значение имеет моделирование собственной *лингвистической интуиции* исследователя. Отстаивая правомерность (точнее — необходимость) такого подхода, Анна Вежбицка пишет: «Во-первых, исследователь имеет непосредственный доступ только к собственной интуиции, и лишь на этой основе он может изучать интуицию других людей. И, во-вторых, я полагаю, что интуиции разных носителей языка

[1] Разделы из книг [Санников 1989; Санников 1999].

практически совпадают… Природа интуиции такова, что методом ее исследования неизбежно может быть только интроспекция. Однако следует подчеркнуть, что интроспекция означает не какое-то случайное «мне кажется», а систематическое, упорное проникновение в глубины своего языкового сознания» [Вежбицка 1983: 245]. Подобный подход (давно и в достаточно категоричной форме) предлагался и в русистике: «С весьма распространенной боязнью, что при таком методе (методе «самонаблюдения». — *В. С.*) будет исследоваться «индивидуальная речевая система», а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно» [Щерба 1974: 34].

§ 2. О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

1. Давно известны способы, обеспечивающие бóльшую точность описания значения языковых единиц и позволяющие «очистить» значения слова от семантических компонентов, принадлежащих другим словам (например, очистить значение сочинительного союза от значений, возникающих в предложении за счет других слов — компонентов сочинительной конструкции). Основной из этих способов — лингвистический эксперимент.

Известно, что в XX в. в различных областях науки и искусства (в математике, биологии, философии, филологии, живописи, архитектуре и т. д.) многие ценные идеи и начинания российских ученых и деятелей культуры заглохли в душной атмосфере советского тоталитаризма, но получили признание и развитие на Западе и через десятилетия снова возвращаются в Россию. Это в значительной степени относится и к методу лингвистического эксперимента, громадную роль которого настойчиво подчеркивали в 20-х годах А. М. Пешковский и особенно Л. В. Щерба. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило <…> В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество — с теоретической точки зрения — изучения живых языков» [Щерба 1974: 32].

Морфологическое согласование не является обязательным. Как и сочиненные, сравниваемые члены в общем случае представляют собой грамматические варианты выражения одного и того же актанта — ср. ниже фразы (3), сирконстанта (4)–(6), атрибута (7). Приводимые ниже примеры функциональной однородности сгруппированы в пары, где в рубрике *а* даются сочинительные конструкции, а в рубрике *б* — сравнительные.

(3) а. Я часто пишу *товарищу и в институт.*
б. Я чаще пишу *товарищу*, *чем в институт.*
(4) а. Товары охотнее покупают *поштучно, а не крупными партиями.*
б. Товары охотнее покупают *поштучно, чем крупными партиями.*
(5) а. Лучше начать наступление *не десятого января, и* даже *не в феврале, а ранней весной.*
б. Лучше начать наступление *ранней весной, чем десятого января <чем в феврале>.*
(6) а. Я шел *полем, а* потом *по опушке* леса,
б. Я охотнее хожу *полем, чем по опушке* леса.
(7) а. Разные в Лебяжке существовали сказания, давние, праотцовские, все больше *шутливые или про любовь* (С. Залыгин. Комиссия).
б. Мне больше нравятся песни *шутливые, чем про любовь.*

Даже сомнительные случаи, как правило, одни и те же для сочинительных и для сравнительных конструкций. Приведем один пример такого типа.

Кажется, возможно сочетание существительного в винительном падеже, обозначающего длительность действия, и существительного в творительном падеже, обозначающего время действия, ср.:

(8) ?Он охотно работал *не только вечером, но и всю ночь.*
(9) ?Он охотнее работал *вечером, чем всю ночь.*

Не все информанты считают эти фразы правильными, однако для нас важно другое: то, что при этом они оценивают обе фразы (и с сочинительной конструкцией (8), и со сравнительной конструкцией (9)) одинаково — или обе как правильные, или обе как неправильные, подтверждая и в этом частном случае близость между сочинительными и сравнительными конструкциями.

Морфологическое согласование не является обязательным. Как и сочиненные, сравниваемые члены в общем случае представляют собой грамматические варианты выражения одного и того же актанта — ср. ниже фразы (3), сирконстанта (4)–(6), атрибута (7). Приводимые ниже примеры функциональной однородности сгруппированы в пары, где в рубрике *а* даются сочинительные конструкции, а в рубрике *б* — сравнительные.

(3) а. Я часто пишу *товарищу и в институт.*
б. Я чаще пишу *товарищу*, *чем в институт.*
(4) а. Товары охотнее покупают *поштучно, а не крупными партиями.*
б. Товары охотнее покупают *поштучно, чем крупными партиями.*
(5) а. Лучше начать наступление *не десятого января, и* даже *не в феврале, а ранней весной.*
б. Лучше начать наступление *ранней весной, чем десятого января <чем в феврале>.*
(6) а. Я шел *полем, а* потом *по опушке* леса,
б. Я охотнее хожу *полем, чем по опушке* леса.
(7) а. Разные в Лебяжке существовали сказания, давние, праотцовские, все больше *шутливые или про любовь* (С. Залыгин. Комиссия).
б. Мне больше нравятся песни *шутливые, чем про любовь.*

Даже сомнительные случаи, как правило, одни и те же для сочинительных и для сравнительных конструкций. Приведем один пример такого типа.

Кажется, возможно сочетание существительного в винительном падеже, обозначающего длительность действия, и существительного в творительном падеже, обозначающего время действия, ср.:

(8) ?Он охотно работал *не только вечером, но и всю ночь.*
(9) ?Он охотнее работал *вечером, чем всю ночь.*

Не все информанты считают эти фразы правильными, однако для нас важно другое: то, что при этом они оценивают обе фразы (и с сочинительной конструкцией (8), и со сравнительной конструкцией (9)) одинаково — или обе как правильные, или обе как неправильные, подтверждая и в этом частном случае близость между сочинительными и сравнительными конструкциями.